

ИСТОРИЯ

УДК 94, 327

DOI 10.52452/19931778_2022_2_7

ЭВОЛЮЦИЯ НАТО КАК НОРМАТИВНОЙ СИЛЫ: ОТ РАСПАДА СССР ДО ОБОСТРЕНИЯ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

© 2022 г.

*Д.В. Леушкин,¹ Н.Г. Самойлов²*¹Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург

den.leushkin@mail.ru

Поступила в редакцию 17.03.2022

Цель работы – определение ключевых вех в истории развития Североатлантического альянса как ценностно-политической организации. Для проведения исследования используется подход А. Грамши, также учитываются наработки авторов, занимавшихся проблемой нормативной силы. Дается специфическое определение понятия нормативной силы как идеологического аппарата, обеспечивающего гегемонию неолиберализма как глобальной системы. Делается вывод о поэтапной эскалации нормативной силы Североатлантического союза с момента распада СССР.

Ключевые слова: НАТО, коллективный Запад, нормативная сила, гегемония, идеология, эволюция, неолиберализм.

Соотношение гегемонии и нормативной силы

В настоящее время в академической среде пользуется популярностью концепция нормативной силы, ставшая своеобразным конструктивистским аналогом грамшианской теории гегемонии, являющейся менее приемлемой для мейнстрима в силу определённых политических «ассоциаций» [1, с. 206]. В рамках данной работы авторы выводят концепцию нормативной силы из преимущественно конструктивистской парадигмы и погружают в классический контекст – под нормативной силой могут пониматься актор, способный осуществлять культурную гегемонию, или сама способность реализовывать её [2, с. 44, 46]. Однако при таком подходе к нормативной силе неизбежно встаёт вопрос о её соотношении с гегемоном и гегемонией: в чём разница между нормативной силой и гегемоном, гегемонией?

Обладатели нормативной силы не являются сами по себе культурными гегемонами, поскольку гегемония и функции воспроизводства гегемонии фрагментированы, рассредоточены между различными нормативными силами. В этом смысле понятие нормативной силы в международных отношениях синонимично рассматриваемым А. Грамши «аппаратам политической или культурной гегемонии господствующих классов» [2, с. 44] или идеологическим

аппаратам государства, выделяемым Л. Альтюссером. Несмотря на то что последний концентрировал своё внимание на государственных идеологических аппаратах, представляется возможным расширить изначальную логику и выйти на международный уровень анализа [3, р. 24]. Таким образом, нормативную силу в международных отношениях можно отнести к одному из проявлений идеологических аппаратов как в функциональном, так и институциональном ключах. Резюмируя, нормативная сила – это способность установления и воспроизводства гегемонии международным институтом или сам институт, вовлечённый в процесс обеспечения гегемонии.

Долгое время «коллективный» Запад выстраивал систему культурной гегемонии посредством различных международных институтов, затрагивающих ценностную повестку. Так, наиболее классическим примером является Европейский союз, о котором как о нормативной силе написано множество работ как отечественными, так и зарубежными учёными. В то же время в отличие от зарубежной науки в российской остаётся без должного внимания проблема нормативной силы Североатлантического союза. Тогда как за рубежом всё больше подчёркивается политико-идеологическая сторона деятельности НАТО, в России фокус преимущественно остаётся на военных функциях аль-

янса. Поэтому крайне важным является рассмотрение эволюции Североатлантического союза как нормативной силы, идеологического аппарата, обеспечивающего гегемонию Запада, а также неоллиберальной модели развития.

При рассмотрении нормативной силы исследователи порой концентрируют своё внимание на дихотомии «гражданской» (*civil power*) и «военной» (*military power*) сил. К примеру, Европейский союз и сообщества воспринимались исследователями как эталонный пример «гражданской» силы, хотя с углублением европейской интеграции становился всё более актуальным вопрос о её «военной» силе [4, р. 235–236]. В упомянутой дихотомии прослеживаются следы грамматической логики, согласно которой гегемонию следует отнести к формированию консенсуса, а насилие – к прямому угнетению, подавлению и принуждению [2, с. 46]. Осуществление и гегемонии, и насилия является способом контроля, но всё же их следует различать. В то же время воспроизводство одного не отрицает реализации другого. В действительности вполне возможно сочетание и «гражданской» и «военной» сил в одном институте, что видно на примере сегодняшней НАТО.

Формирование нормативной силы НАТО в 1990-е гг.

Ещё в преамбуле Вашингтонского договора 1949 г. содержалась идеологическая составляющая в виде упоминания приверженности ценностям «демократии», что сохраняется и по сей день [5, 6], но ключевой для альянса всё же являлась военно-политическая повестка. Окончание «холодной войны» предопределило начало нового этапа в истории НАТО – альянс оказался вынужден заняться переосмыслением и переоценкой собственных функций. С исчезновением угрозы прямого столкновения становился более актуальным вопрос о внутренних угрозах неоллиберальному порядку. В связи с расширением гегемонии западного мира на бывший просоветский блок вчерашние внешние вызовы переходят в разряд внутренних. Однако это не означает, что капиталистический мир становится гомогенен – он сохраняет внутреннюю раздробленность, принимая в себя новые страны, занимающие место периферии в глобальном разделении труда и процессе накопления [7, с. 40–41, 43].

На первый план в повестке альянса начинают выходить ценностно-нормативные вопросы, что свидетельствует о становлении союза в качестве нормативной силы. Просоветский блок и сам СССР распались – НАТО наравне с другими институтами «коллективного» Запада была

призвана заполнить образовавшийся идеологический и нормативный вакуум. Так, в 1991 г. была принята первая «несекретная» стратегическая концепция, в которой подчёркивались установление «плюралистической демократии» и «верховенства права», уважение «прав человека» и переход к «рыночной экономике» в Восточной Европе [8, 9]. Военная составляющая в документе была доминирующей, что было связано с наследием «холодной войны» и дестабилизацией восточноевропейского региона, но сам факт публикации стратегии в общем доступе, заметный ценностный элемент и смена международной обстановки влекли за собой начало эволюции НАТО от сугубо военной структуры к политико-военной [10], обладающей собственной нормативной силой. Североатлантический союз стал позиционировать себя как один из западных институтов, предназначенных для защиты не только территории стран-участниц, но и их ценностей, таких как «демократия», «права человека», «свобода» и «свободный рынок».

При этом чисто оборонительные функции альянса постепенно дополнялись новыми элементами, происходил сдвиг в сторону обеспечения безопасности, антикризисного урегулирования, миротворчества, что видно по документам организации 1990-х гг. [9, 11]. Расширялась зона ответственности, организация Североатлантического договора стала претендовать на роль глобального института обеспечения безопасности, что заметно на примере развития с 1990-х гг. диалога НАТО с государствами, не являющимися частью альянса [12]. Закладывалась основа для расширения зоны ответственности союза далеко за пределы стран-членов, фактически на весь земной шар, что будет закреплено уже в более поздних документах: «Североатлантический союз по-прежнему является важнейшим источником стабильности в этом непредсказуемом мире» [13].

После окончания «холодной войны» западные ценности стали претендовать на универсальный и глобальный характер. Даже в России, стране – правопреемнице СССР, на официальном уровне подчёркивалась приверженность общим с Западом ценностям. Президент России Б.Н. Ельцин в обращении к участникам учредительной сессии Совета Североатлантического сотрудничества (ССАС) в декабре 1991 г. подчёркивал, что отношения России с остальной частью мира «могут быть теперь основаны на признании общих ценностей и общем видении способов усиления международной безопасности». Позднее министр иностранных дел России А. Козырев в статье, опубликованной в «Вестнике НАТО»,

отмечал: «Не имеется никаких непреодолимых препятствий для рабочих отношений между Россией и ее западными партнёрами, прежде всего потому, что мы связаны основными демократическими идеалами. И Россия, и члены НАТО – нации, придерживающиеся общих убеждений. Мы принадлежим одному и тому же демократическому объединению наций» [14, с. 3–4]. В Основополагающем акте Россия – НАТО также ярко выражен либерально-демократический лейтмотив, содержащий в себе приверженность «рыночной экономике», «правам человека», «верховенству закона», «политическому плюрализму» и, очевидно, «демократии». Примечательно, что НАТО выступает в качестве своеобразного гуру, постигшего «демократию», а РФ выделена роль ученика, ещё постигающего «демократию», но не построившего её, следовательно, ценностно неполноценного, ещё незрелого участника международной арены, согласно логике трансатлантических элит и некоторых представителей российского правящего класса, вписавшегося в 1990-е гг. в западный мейнстрим: «Россия продолжает построение демократического общества и осуществление своей политической и экономической трансформации» [15]. Причём если классические отношения ученик–учитель предполагают обучение двух сторон – ученик учится у учителя, а учитель у ученика, то вышеупомянутые взаимоотношения ученик–гуру строятся на безусловной «просветлённости» гуру, т.е. НАТО.

Однако со временем происходит изменение восприятия «западных» ценностей и позиционирования НАТО как гаранта этих ценностей. Во многом это связано с эволюцией их содержания. Так называемые «традиционные» западные ценности постепенно лишаются своих изначальных элементов. Христианские, «классические» семейные ценности замещаются более светскими, «либеральными». Кризис мигрантов и беженцев во многих странах Европы обострил проблему национальной и европейской идентичности. Интеграционные процессы в рамках евроатлантических структур, сопровождающиеся унификацией, размыванием идентичности, вызывают сопротивление в некоторых странах Восточной и Центральной Европы, прежде всего в Венгрии и Польше. Нормативная сила Запада начинает давать сбой. Внедрение системы ценностей с новым содержанием становится затруднительным.

Что касается России, то в последние годы «ценностный раскол» между Российской Федерацией и странами Запада становится все более выраженным. Особенно отчетливо это видно на

фоне обострения украинского кризиса. В Обращении Президента Российской Федерации В.В. Путина 24 февраля 2022 г. упоминается, что «западный блок, сформированный США по своему образу и подобию... и есть та самая «империя лжи»». Там же говорится о том, что «до последнего времени не прекращались попытки... разрушить наши традиционные ценности и навязать нам свои псевдоценности, которые разъедали бы нас, наш народ изнутри; те установки, которые они уже агрессивно насаждают в своих странах и которые прямо ведут к деградации и вырождению, поскольку противоречат самой природе человека» [16].

Характерно, что не только Россия отказывается странам Запада в монополии на трактовку «правильности» и «демократичности» ценностей и институтов, хотя при этом нередко эта критика остаётся в рамках западной ценностной парадигмы. В этом контексте показательно содержание принятого в начале 2022 г. Совместного заявления Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии, где воспроизводится либерально-демократический дискурс, что говорит о фактическом сохранении западной ценностно-идеологической гегемонии при её формальных эрозии и неприятии со стороны России и Китая [17]. В этом проявляется внутренняя противоречивость положения России и Китая, являющихся неотъемлемой частью неолиберальной системы, играющих в ней роль периферии, но относящихся к числу великих держав. Хотя можно сделать вывод о том, что Россия всё же тяготеет к консервативной тенденции, но отчасти в силу недостаточной развитости нормативной силы страны российская политическая мысль оказывается вынужденной считаться с западным либерально-демократическим подходом [18].

Отчасти такое положение вещей объясняется тем, что с 1991 года НАТО начинает активное формирование институтов, которые можно, среди прочего, отнести к инструментам продвижения нормативной силы. Сначала создается уже упомянутый выше ССАС как форум для консультаций между странами альянса и государствами-партнёрами. Затем появляется программа «Партнёрство ради мира» (ПРМ), дополнившая ССАС. В то время как целью ССАС было выстраивание многостороннего диалога, ПРМ предполагало выстраивание двусторонних отношений между НАТО и государствами, не являющимися членами альянса. Затем в 1997 г. был создан Совет евроатлантического партнёрства (СЕАП), заменивший ССАС и поставив-

ший перед собой в качестве цели углубление партнёрства между альянсом и рядом государств [19]. Таким образом, ССАС, СЕАП и ПРМ стали структурами, посредством которых союз увеличивал свою роль на международной арене, а также упрочивал собственную нормативную силу за счёт создания механизмов прямого взаимодействия с государствами-партнёрами.

Важную роль в формировании позитивного имиджа НАТО играл Отдел информации и прессы. Он занимался информированием общественности о деятельности альянса не только среди стран-членов организации, но и её партнёров по ССАС (СЕАП), ПРМ, Средиземноморскому диалогу. Кроме того, данная структура помогала странам-кандидатам разъяснить населению значимость членства в НАТО. Первый подобный опыт был у отдела в период расширения НАТО за счёт Венгрии, Польши и Чехии, вступивших в альянс в 1999 г. [20, с. 198].

В дальнейшем эти функции стал выполнять Отдел общественной дипломатии НАТО. Среди прочего, данная структура предоставляет консультации, финансирование и практическую помощь в реализации проектов, представляющих для альянса определённый интерес. В частности, речь идет о финансировании конференций, семинаров, практикумов и других мероприятий в сфере общественной дипломатии. Получателями этих грантов могут быть неправительственные организации (НПО), университеты, аналитические центры и другие соответствующие организации гражданского общества [21].

На фоне слабости европейских институтов и их неспособности урегулировать балканский кризис НАТО подтвердила за собой роль ключевого игрока в сфере обеспечения региональной безопасности. Несмотря на то что Североатлантический альянс действовал в обход Совета Безопасности ООН, нарушая тем самым международное право, НАТО создала миф о «гуманитарной интервенции» [22, с. 32, 37], якобы необходимом и правомерном вмешательстве [23]. Показателен также пример признания Косово, в рамках которого страны НАТО коллективно выступили в качестве совместной легитимизирующей силы, закрепив независимость региона от Сербии путём размещения «Сил для Косова», одной из целей которых было предотвращение «агрессии» сербской армии [22, с. 33–37; 23].

НАТО в новом веке

Несмотря на политико-военную природу Североатлантического союза, не следует забывать о том, что основной его функцией в настоящее

время является обеспечение неолиберального порядка посредством реализации нормативной силы и прямого принуждения. Так, «Великая рецессия» обозначила начало кризиса неолиберальной системы, гегемоном которой являются США. Обострение противоречий на системном уровне привело к возникновению всё новых конфликтов, приобретших глобальный масштаб: конфликт в Сирии, украинский кризис, противостояние США и Китая. Усугубление международной обстановки стало объясняться в терминах логики столкновения «демократии» с «автократией», что видно на примере последних документов альянса [25].

С конца XX в. в нарушение неформальных договорённостей лидеров альянса с М.С. Горбачёвым был инициирован процесс экспансии НАТО на восток. «Задним числом» представители союза и обслуживающие их интересы интеллектуалы оправдывали эти действия тем, что якобы никаких обещаний не давалось, ситуация кардинально изменилась и увеличение количества членов НАТО представляет собой не политико-военную экспансию, а расширение пространства безопасности и общих ценностей, как следствие, отрицалось, что этот процесс может нести угрозу безопасности третьих стран, в частности России. Принятие новых членов в ряды союза предполагало не только политико-военную экспансию «коллективного» Запада, но и проведение институциональных реформ в духе либерально-демократического подхода, что вело к упрочению культурно-идеологической гегемонии неолиберализма как глобальной общественной системы в бывших странах просоветского блока [26–28].

В 2007 г. на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности прозвучала знаменитая одноимённая речь президента РФ В.В. Путина. В рамках данного исследования она примечательна тем, что содержала прямую критику политики расширения НАТО, сопровождающуюся указаниями на нарушение заверений, которые «давались западными партнёрами после роспуска Варшавского договора». Кроме того, показательными являются слова относительно нормативной силы структур Запада, НАТО и ЕС: «Легитимным можно считать применение силы, только если решение принято на основе и в рамках ООН. И не надо подменять Организацию Объединённых Наций ни НАТО, ни Евросоюзом» [29]. Несмотря на критику В.В. Путина в адрес НАТО как нормативной силы и организации по обеспечению коллективной безопасности, претендующей на гегемонистские позиции, в 2008 г. состоялся саммит альянса в Бухаресте, по итогам которого было

принято заявление, где звучало следующее: «НАТО приветствует евроатлантические стремления Украины и Грузии к членству в НАТО. Сегодня мы пришли к соглашению о том, что эти страны станут членами НАТО» [30]. Примечательно, что если до этого становились членами страны бывшего просоветского блока и государства Прибалтики, не считавшиеся США законными территориями СССР [31], то теперь речь шла об интеграции стран, безоговорочно являющихся постсоветскими, что придавало ещё большую агрессивность экспансии альянса.

В 2010 г. была принята стратегическая концепция под названием «Активное участие, современная оборона». Если в Уэльсе в 2014 г. говорилось, что НАТО является «важнейшим источником стабильности», то в 2010 г. формулировки были несколько скромнее: «В настоящее время Североатлантический союз остается одним из важнейших источников стабильности в непредсказуемом мире». Значительное внимание в документе уделялось ценностям и «демократии». Показательной является концепция «открытых дверей», согласно которой к союзу может присоединиться любая европейская «демократия», разделяющая ценности альянса [13; 32].

Украинский кризис 2014 года стал важным рубежом для НАТО как нормативной силы. Организация пыталась выступать в роли структуры, имеющей право на выражение единственно верной трактовки и оценки событий. Североатлантический союз отреагировал крайне негативно на присоединение Крыма к России, охарактеризовав референдум как «противоправный» и «незаконный». Рассматриваемая организация не раз подчёркивала, что, по её мнению, плебисцит был проведён в нарушение Конституции Украины и международного права [33]. Кроме того, показательно заявление комиссии НАТО–Украина, в рамках которого говорилось об осуждении «вмешательства» РФ в украинский кризис и одобрялся «европейский выбор» киевского руководства, заключавшийся в подписании «политической части Соглашения об ассоциации с Европейским союзом» [34]. Последующие опубликованные НАТО документы подчёркивали выбранную альянсом линию осуждения итогов крымского референдума, сопровождавшуюся обвинениями России в «дестабилизации» ситуации на востоке Украины [35]. Данная позиция подкреплялась введёнными против российской экономики санкциями, которые, неудивительно, были тепло встречены Североатлантическим союзом на официальном уровне [13].

В позиции альянса по украинскому кризису чувствуется «призрак» балканских событий –

действующие лица сменились, но НАТО всё так же сохраняла за собой роль судьи, которому предоставлено право решать, что вписывается в нормы международного права, а что является их грубым нарушением. Отвечая на известный вопрос о том, кто предоставил Североатлантическому союзу право выступать на международной арене в качестве судьи, можно сказать, что они сами – обладая значительными ресурсами нормативной силы, НАТО могла позволить себе это и даже не только могла, но и должна в силу объективности её нормативной силы не только для внешнего мира, но и для неё самой, стран-членов НАТО, для всей неолиберальной системы в целом.

В декабре 2019 г. генеральному секретарю НАТО было поручено разработать предложения, для того чтобы адаптировать Североатлантический альянс к изменяющемуся положению дел. В официальных материалах НАТО отмечалось, что этот доклад был составлен в результате демократических и транспарентных обсуждений, в которых приняли участие не только «эксперты», но и «гражданское общество, молодые люди, парламентарии и частный сектор» [36]. Примечательно, что в аналитическом докладе в разделе, посвящённом «угрозам и вызовам», сначала указаны Россия и Китай, а всё остальное, включая терроризм, опасные и разрушительные технологии, энергетическую опасность и т.д., идёт потом. Как гласит документ, «в перспективе до 2030 г. Россия, скорее всего, останется главной военной угрозой для альянса». К тому же всячески подчёркивается приверженность стран-членов альянса «демократическим» ценностям и институтам [37]. Фактически основные пункты данного документа были закреплены в итоговом коммюнике брюссельского саммита [38].

Не только сам факт завершения операции в Афганистане, но и её форма стали поворотным пунктом в истории НАТО как центра нормативной силы, т.к. для того чтобы смягчить удар по имиджу США, Дж. Байден был вынужден публично отказаться от идеи построения «демократического» государства в Афганистане, ограничившись темой борьбы с терроризмом [39]. Кроме того, это поражение поставило под сомнение мифы о крайней эффективности альянса и исключительной выгоды политико-военной интеграции в рамках НАТО.

С усугублением кризиса неолиберальной модели обостряется раскол стран НАТО, что видно на примере давления на Венгрию и Польшу со стороны других европейских государств, также являющихся членами альянса и Евросоюза. Отсутствие единства стран НАТО в

отношении Китая также сыграло существенную роль в образовании англосаксонского блока AUKUS, появление которого подрывает гегемонию НАТО как борца за «демократию», т.к. его целью является сдерживание одной из ключевых «автократий» – Китая [25].

В то же самое время обострившийся конфликт России с Западом и Украиной в некоторой степени поспособствовал консолидации распадающегося «коллективного» Запада из-за ещё большей актуализации темы «российской угрозы». К примеру, на фоне начала проведения военной спецоперации активизировалось взаимодействие стран Северной Европы, а именно Швеции и Финляндии, с НАТО [40].

Выводы

Важно отметить, что в рассматриваемый период деятельность ЕС и НАТО как нормативных сил была во многом взаимодополняемой. Европейский союз создавал для стран-кандидатов привлекательный образ структуры, членство в которой гарантирует рост благосостояния населения, прогресс в создании и развитии политических и экономических институтов, приобщение к «демократическим» ценностям и нормам. Не случайно, что многие страны Восточной Европы и Балтии были готовы вступить в НАТО, в том числе и для того, чтобы иметь возможность претендовать на членство в Евросоюзе.

В свою очередь, в НАТО вполне успешно создавали и транслировали различные политические мифы и установки, содержащие ценностные составляющие, направленные на создание собственного привлекательного образа в глазах политических элит и населения стран-партнёров: «демократии не воюют», «расширение НАТО – расширение пространства безопасности» и т.д.

С 1991 г. по 2007–2008 гг. можно выделить первый этап, для которого характерна безусловная гегемония западных институтов, в частности НАТО. Начиная с 2007–2008 гг., мюнхенской речи В.В. Путина и «Великой рецессии», до 2014 г., ознаменовавшегося началом украинского кризиса, можно выделить этап интенсификации нормативной силы НАТО, сопровождавшейся ростом недовольства этим фактом со стороны России. С 2014 г. по настоящее время наблюдается дальнейшая эскалация нормативной силы Североатлантического альянса при обострении отношений Запад–Россия, Запад–Китай. В условиях кризиса неолиберального порядка и разобщения «коллективного» Запада «российская угроза» становится консолидирующим фактором, смягчающим объективно назревший процесс.

Список литературы

1. Diez T. Normative power as hegemony // *Cooperation and Conflict*. 2013. Vol. 48. Iss. 2. P. 194–210.
2. Грамши А. Наука политики (из «Тюремных тетрадей») // В сб.: Наука политики. Как управлять народом / А. Грамши, Д. Лукач. М.: Родина, 2020. С. 9–132.
3. Althusser L. *Idéologie et appareils idéologiques d'État* // *Les Classiques des sciences sociales*. URL: http://classiques.uqac.ca/contemporains/althusser_louis/ideologie_et_AIE/ideologie_et_AIE.pdf (дата обращения: 01.02.2022).
4. Manners I. Normative Power Europe: A contradiction in Terms? // *JCMS*. 2002. Vol. 40. № 2. P. 235–258.
5. Североатлантический договор // NATO.INT. 2008. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (дата обращения: 07.02.2022).
6. Kostrzewski J. NATO's Normative Power // *IRLS Dispatch Blog*. URL: <http://newsletters.asucollegeoflaw.com/irls/2019/08/26/natos-normative-power/> (дата обращения: 07.02.2022).
7. Дзарасов Р.С. За лучшую долю! Украинский кризис сквозь призму мир-системного подхода. М.: ЛЕНАНД, 2016.
8. Стратегические концепции // NATO.INT. 2021. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_56626.htm (дата обращения: 06.02.2022).
9. The Alliance's New Strategic Concept // NATO.INT. 2010. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23847.htm (дата обращения: 07.02.2022).
10. What is NATO? // NATO.INT. 2022. URL: <https://www.nato.int/nato-welcome/index.html> (дата обращения: 09.02.2022).
11. Стратегическая концепция Североатлантического союза // NATO.INT. 2008. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_27433.htm (дата обращения: 10.02.2022).
12. Relations with partners across the globe // NATO.INT. 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49188.htm (дата обращения: 10.02.2022).
13. Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Уэльсе // NATO.INT. 2014. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_112964.htm (дата обращения: 10.02.2022).
14. Kozyrev A.V. Russia and NATO: a partnership for a united and peaceful Europe // *NATO Review*. 1994. № 4. Vol. 42. P. 3–6.
15. Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора // NATO.INT. 2009. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (дата обращения: 14.02.2022).
16. Обращение Президента Российской Федерации / Президент России. 2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (дата обращения: 24.02.2022).
17. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии / Президент России. 2022. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5770> (дата обращения: 14.02.2022).
18. The Kremlin Playbook 3 / CSIS. URL: <https://www.csis.org/features/kremlin-playbook-3> (дата обращения: 14.02.2022).

19. Безопасность посредством партнёрства // NATO.INT. 2005. P. 38. URL: <https://www.nato.int/docu/sec-partnership/sec-partner-rus.pdf> (дата обращения: 12.02.2022).
20. Информирование общественности // Справочник НАТО. Brussels: Office of Information and Press NATO, 2001. С. 197–205.
21. NATO Public Diplomacy Division's Co-Sponsorship Grants // NATO.INT. 2022. URL: <https://www.nato.int/cps/en/natohq/63610.htm> (дата обращения: 18.02.2022).
22. Пономарева Е.Г., Фролов А.В. Агрессия НАТО против Югославии: международно-правовые, военно-стратегические и геополитические последствия // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2 (65). С. 32–56.
23. Россия–НАТО: Расставим точки над «и» // NATO.INT. 2022. URL: <https://www.nato.int/cps/ru/natohq/115204.htm> (дата обращения: 12.02.2022).
24. NATO's role in Kosovo // NATO.INT. 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_48818.htm (дата обращения: 14.02.2022).
25. Леушкин Д.В., Самойлов Н.Г. Логика столкновения «демократий» с «автократиями» в видении европейских и американских элит // Современная Европа. 2022. № 1. С. 208–219.
26. Der Spiegel (Германия): недавно найденные документы 1991 года подтверждают российские обвинения в адрес НАТО // ИНОСМИ. 2022. URL: <https://inosmi.ru/20220219/nato-253105281.html> (дата обращения: 21.02.2022).
27. История расширения НАТО // Досье. ТАСС. 2017. URL: <https://tass.ru/info/4319661> (дата обращения: 20.02.2022).
28. Rühle M. Расширение НАТО и Россия: мифы и реалии // NATO Review. NATO.INT. 2014. URL: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2014/07/01/rasshirenie-nato-i-rossiya-mify-i-realii/index.html> (дата обращения: 20.02.2022).
29. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности / Президент РФ. 2007. URL: <http://kremlin.ru/events/pressident/transcripts/24034> (дата обращения: 24.02.2022).
30. Заявление по итогам встречи в верхах в Бухаресте // NATO.INT. 2009. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_8443.htm (дата обращения: 24.02.2022).
31. United States non-recognition policy / Wilson Center. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/collection/279/united-states-non-recognition-policy> (дата обращения: 06.03.2022).
32. Активное участие, современная оборона // NATO.INT. 2012. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_68580.htm (дата обращения: 18.02.2022).
33. Заявление Североатлантического совета по так называемому референдуму в Крыму // NATO.INT. 2014. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_108030.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 17.02.2022).
34. Заявление комиссии НАТО–Украина // NATO.INT. 2014. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_108499.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 17.02.2022).
35. Совместное заявление Комиссии НАТО–Украина // NATO.INT. 2014. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_112695.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 17.02.2022).
36. What is NATO 2030? // NATO.INT. 2021. P. 4. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2021/6/pdf/2106-factsheet-nato2030-en.pdf (дата обращения: 27.02.2022).
37. NATO 2030: United for a New Era // NATO.INT. 2022. P. 67. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (дата обращения: 27.02.2022).
38. Заявление по итогам встречи на высшем уровне в Брюсселе // NATO.INT. 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=ru (дата обращения: 27.02.2022).
39. Labott E. Biden's Democracy Agenda Just Died an Ugly Death in Kabul // Foreign Policy. 2021. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/08/17/afghanistan-with-drawal-biden-democracy-agenda-human-rights-evacuation/> (дата обращения: 17.02.2022).
40. Швеция и Финляндия перешли к углубленному обмену информацией с НАТО / ТАСС. 2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13870853> (дата обращения: 27.02.2022).

EVOLUTION OF NATO AS NORMATIVE POWER: FROM COLLAPSE OF USSR TO AGGRAVATION OF UKRAINIAN CRISIS

D.V. Leushkin, N.G. Samoilov

The purpose of the work is to identify milestones in the history of the development of the NATO as a normative organisation. The approach of A. Gramsci and works of the authors dealing with the problem of normative power are taken into account in order to conduct the study. A specific definition of the concept of normative power as an ideological apparatus that ensures the hegemony of neoliberalism as a global system is given. The conclusion is that there has been a gradual escalation of the normative power of the alliance since the collapse of the USSR.

Keywords: NATO, Western world, normative power, hegemony, ideology, evolution, neoliberalism.

References

1. Diez T. Normative power as hegemony // *Cooperation and Conflict*. 2013. Vol. 48. Iss. 2. P. 194–210.
2. Gramsci A., Lukács G. Science of Politics // *Science of Politics. How to govern the people?*. M.: Rodina, 2020. P. 9–132.
3. Althusser L. *Idéologie et appareils idéologiques d'État // Les Classiques des sciences sociales*. URL: http://classiques.uqac.ca/contemporains/althusser_louis/i_deologie_et_AIE/ideologie_et_AIE.pdf (Date of access: 01.02.2022).
4. Manners I. Normative Power Europe: A contradiction in Terms? // *JCMS*. 2002. Vol. 40. № 2. P. 235–258.
5. The North Atlantic Treaty // NATO.INT. 2008. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_17120.htm (Date of access: 07.02.2022).
6. Kostrzewski J. NATO's Normative Power // *IRLS Dispatch Blog*. URL: <http://newsletters.asucollegeoflaw.com/irls/2019/08/26/natos-normative-power/> (Date of access: 07.02.2022).
7. Dzarasov R.S. For the better life! Ukrainian crisis through the prism of world-systems approach. M.: LE-NAND, 2016.
8. Strategic Concepts // NATO.INT. 2021. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_56626.htm (Date of access: 06.02.2022).
9. The Alliance's New Strategic Concept // NATO.INT. 2010. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23847.htm (Date of access: 07.02.2022).
10. What is NATO? // NATO.INT. 2022. URL: <https://www.nato.int/nato-welcome/index.html> (Date of access: 09.02.2022).
11. The Alliance's Strategic Concept // NATO.INT. 2008. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_27433.htm (Date of access: 10.02.2022).
12. Relations with partners across the globe // NATO.INT. 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49188.htm (Date of access: 10.02.2022).
13. Wales Summit Declaration // NATO.INT. 2014. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_112964.htm (Date of access: 10.02.2022).
14. Kozyrev A.V. Russia and NATO: a partnership for a united and peaceful Europe // *NATO Review*. 1994. № 4. Vol. 42. P. 3–6.
15. Founding Act on Mutual Relations, Cooperation and Security between NATO and the Russian Federation signed in Paris, France // NATO.INT. 2009. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (Date of access: 14.02.2022).
16. Address by the President of the Russian Federation // President of Russia. 2022. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67843> (Date of access: 24.02.2022).
17. Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the International Relations Entering a New Era and the Global Sustainable Development / President of Russia. 2022. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5770> (Date of access: 14.02.2022).
18. The Kremlin Playbook 3 / CSIS. URL: <https://www.csis.org/features/kremlin-playbook-3> (Date of access: 14.02.2022).
19. Security through partnership // NATO.INT. 2005. P. 38. URL: <https://www.nato.int/docu/sec-partnership/sec-partner-rus.pdf> (Date of access: 12.02.2022).
20. Informing the public // NATO Handbook. Brussels: Office of Information and Press NATO. 2001. P. 197–205.
21. NATO Public Diplomacy Division's Co-Sponsorship Grants // NATO.INT. 2022. URL: <https://www.nato.int/cps/en/natohq/63610.htm> (Date of access: 18.02.2022).
22. Ponomareva E.G., Frolov A.V. Aggression Against Yugoslavia: International-Legal, Military Strategic and Geopolitical Consequences // *MGIMO Review of International Relations*. 2019. № 2 (65). P. 32–56.
23. Russia-NATO: Set the record straight // NATO.INT. 2022. URL: <https://www.nato.int/cps/ru/natohq/115204.htm> (Date of access: 12.02.2022).
24. NATO's role in Kosovo // NATO.INT. 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_48818.htm (Date of access: 14.02.2022).
25. Leushkin D.V., Samoilov N.G. Logic of Confrontation between «Democracies» and «Autocracies» viewed by European and American Elites // *Contemporary Europe*. 2022. № 1. P. 208–219.
26. Der Spiegel (Germany): 1991 document shows that Putin is right, NATO deceived Moscow by promising «non-enlargement» // *INOSMI*. 2022. URL: <https://inosmi.ru/20220219/nato-253105281.html> (Date of access: 21.02.2022).
27. History of NATO enlargement // TASS. 2017. URL: <https://tass.ru/info/4319661> (Date of access: 20.02.2022).
28. Rühle M. NATO enlargement: myths and reality // *NATO Review*. NATO.INT. 2014. URL: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2014/07/01/rasshirenie-nato-i-rossiya-mify-i-realii/index.html> (Date of access: 20.02.2022).
29. Speech and the Following Discussion at the Munich Conference on Security Policy / President of Russia. 2007. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034> (Date of access: 24.02.2022).
30. Bucharest Summit Declaration // NATO.INT. 2009. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_8443.htm (Date of access: 24.02.2022).
31. United States non-recognition policy // Wilson Center. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/colletion/279/united-states-non-recognition-policy> (Date of access: 06.03.2022).
32. Active Engagement, Modern Defence // NATO.INT. 2012. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natolive/official_texts_68580.htm (Date of access: 18.02.2022).
33. Statement by the North Atlantic Council on the so-called referendum in Crimea // NATO.INT. 2014. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_108030.htm?selectedLocale=ru (Date of access: 17.02.2022).
34. Statement of the NATO-Ukraine Commission // NATO.INT. 2014. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_108499.htm?selectedLocale=ru (Date of access: 17.02.2022).
35. Joint Statement of the NATO-Ukraine Commission // NATO.INT. 2014. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_112695.htm?selectedLocale=ru (Date of access: 17.02.2022).

36. What is NATO 2030? // NATO.INT. 2021. P. 4. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2021/6/pdf/2106-factsheet-nato2030-en.pdf (Date of access: 27.02.2022).
37. NATO 2030: United for a New Era // NATO.INT. 2022. P. 67. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (Date of access: 27.02.2022).
38. Brussels Summit Communiqué // NATO.INT. 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185000.htm?selectedLocale=ru (Date of access: 27.02.2022).
39. Labott E. Biden's Democracy Agenda Just Died an Ugly Death in Kabul // Foreign Policy. 2021. URL: <https://foreignpolicy.com/2021/08/17/afghanistan-withdrawal-biden-democracy-agenda-human-rights-evacuation/> (Date of access: 17.02.2022).
40. Sweden and Finland have moved to an in-depth exchange of information with NATO / TASS. 2022. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13870853> (Date of access: 27.02.2022).